

Огородников Павел Иванович

**На пути в Персию и
Прикаспийские провинции ее**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович О.**
На пути в Персию и Прикаспийские провинции ее / Огородников Павел
Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 336 с.

ISBN 978-5-521-26055-3

ISBN 978-5-521-26055-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

НА-ЛЕТУ И АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ начала апрѣля — это было въ 1874 г., — когда петербуржецъ желчно томится безысходною хандрой, насморкомъ и т. п., а воображеніе уноситъ его куда-то вдаль, гдѣ ласкающее дыханіе весны уже вызвало къ жизни и траву на лугахъ, и душистые цвѣты на деревьяхъ, и пѣсню соловья, — я получилъ письменное предложеніе принять участіе въ трудахъ торговой экспедиціи, снаряжаемой милліонеромъ А. И. Глуховскимъ въ Персію, Авганистанъ и далѣе вглубь Азіи. Спустя двѣ-три недѣли послѣ того вопросъ о моей роли въ ней уже выяснился. Русское географическое общество, при посредничествѣ котораго я отправлялся въ эти отдаленные, еще туманные для Европы края, для научныхъ наблюденій, снабдило меня возможнымъ матеріальнымъ пособіемъ; предприниматель же *грандіозной экспедиціи* обязался доставить мнѣ всѣ удобства во время пути, снабжать меня деньгами по мѣрѣ надобности и предложилъ въ помощь переводчика, топографа и фельдшера.

Но въ короткое время подыскать себѣ сподручныхъ помощниковъ довольно трудно, и мнѣ оставалось самому изучить практическіе приемы леченія господствующихъ въ тѣхъ странахъ болѣзней, къ чему и было приступлено, при содѣйствіи достопочтеннаго доктора Борейши, уважаемаго всею Коломною и прославляемаго бѣдняками, ибо онъ, сдѣлавшись извѣстнымъ докторомъ, остался прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Потративши свое здоровье на служеніе ближнему, онъ уже умеръ, но память объ немъ на долго сохранится...

Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ, несмотря на мучительную болѣзнь, принялъ меня, незнакомаго ему, какъ близкаго себѣ человѣка, — какъ, впрочемъ, онъ принималъ всю Колонну. Отъ его высохшаго тѣла уже вѣяло смертью, но въ тихихъ, умныхъ глазахъ глубоко свѣтилась жизнь и любовь къ человѣку. Бесѣдуя о трудностяхъ предстоящаго мнѣ путешествія по дикимъ странамъ Азіи, о господствующихъ тамъ болѣзняхъ и способахъ ихъ леченія, онъ составилъ для меня краткій дорожный лечебникъ, и при его-же участіи знакомый ему аптекарь приготовилъ мнѣ дорожную аптеку. То и другое принесло въ свое время не мало пользы.

Вотъ еще контрастъ. Ни одинъ изъ фотографовъ, слитыхъ душою съ вновь народившеюся «великою нѣмецкою націей», не соглашался взять съ меня за урокъ менѣе десяти рублей, а англичанинъ Каррикъ, безвозмездно потратившій на то 15 часовъ, былъ еще сердечно радъ успѣхамъ ученика, снявшаго удачно портретъ съ учителя!..

Остальное время, съ 1-го по 15-е мая — день моего выѣзда изъ Петербурга, — незамѣтно улетѣло на знакомство съ литературою о Востокѣ и приготовленіе двухъ объемистыхъ сундуковъ съ инструментами и разными матеріями для себя и бездѣлками да механическими игрушками для подарковъ большимъ дѣтямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ тощія судьбы Персіи, Авганистана, Туременіи, Хивы и Бухары.

Всѣ эти вещи пойдутъ съ товарами до г. Астерабада, — условнаго пункта моего соединенія съ повѣреннымъ при торговомъ караванѣ, Грошевымъ, а теперь я ѣду одинъ и налегкѣ, потому что по просьбѣ Г-го приходится свернуть съ прямого пути въ Уфу по его личнымъ дѣламъ.

— Не покупайте себѣ дорогихъ халатовъ; чѣмъ бѣднѣе костюмъ, тѣмъ безопаснѣе, напутствовалъ онъ меня послѣднимъ словомъ въ петербургско-московскомъ вокзалѣ, сообщивъ при этомъ, что экспедиціи придется ограничиться только предѣлами сѣверо-восточной Персіи... Вотъ и первое разочарованіе!

Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся.

Въ полдень другого дня въ открытое окно вагона дунуло ладаномъ, дегтемъ и овчиной, — это Москва!

Запрыгали дрожки по ухабамъ длиннаго-длиннаго переѣзда, стоящаго отъ московско-петербургскаго до московско-нижего-

родскаго вокзала рубль, а соединительная вѣтвь тутъ-же, и въ бездѣйствіи. Но говорятъ, будто-бы она построена не для одного только украшенія первопрестольной столицы, а и для удобства пассажировъ, ѣдущихъ съ Питера прямо въ Нижній? Можетъ быть, это правда,—не испыталь.

На нижегородской станціи толпится много народу. Этотъ суетится, тотъ спрашиваетъ, а третій просить высокаго господина въ погончикахъ полковничьяго ранга, вѣроятно начальника станціи:

— Позвольте мнѣ взять вотъ этотъ маленькій сакъ съ книгами съ собою въ вагонъ... Сторожъ не пропускаетъ...

— Никакъ-съ нельзя. Желѣзнодорожныя правила и моя обязанность... вы понимаете?

— Но сакъ не займетъ лишняго мѣста, да притомъ мнѣ крайне нужно просмотрѣть книги дорогою.

— Обязанность...

— Ахъ, м-г... Я рассчитываю на вашу любезность, перебивается дама въ кружевныхъ оборкахъ, заплывающая отъ носу и до пятокъ сал мѣ.—Я увѣрена, что вы не разлучите меня съ милою Амишкой и вотъ этою шалуньей Биби.

М-г военного покроя, изгибаясь, прищелкнулъ шпорами, и двѣ собачки съ барыней отправились въ вагонъ, а маленький сакъ съ книгами швырнули въ багажъ.

Но сцена этимъ не кончилась. Когда пассажиры усѣлись по мѣстамъ, къ начальнику станціи приблизился злосчастный любитель книгъ и, приподнявъ шляпу, тихо проговорилъ:

— Благодарю, очень, очень благодарю...

Тотъ, не понявъ ироніи, сіялъ, любезно раскланиваясь въ отвѣтъ.

— Вы собакъ предпочитаете книгамъ?! вспыхнулъ пассажиръ.—Это тоже входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей?...

— Труби, милый, сколько влѣзаетъ,—не поможетъ; за такой фундаментъ онъ еще благоволеніе получить отъ начальства, съострилъ кто-то изъ толпы, но сконфуженный полков-

никъ не устоялъ: на этотъ разъ онъ отправилъ поѣздъ цѣлою минутою раньше.

Съ Нижняго до Казани и оттуда дальше на 6 дней пути по широко—разлившейся Камѣ и Бѣлой, до г. Уфы, пришлось мнѣ ѣхать на пароходѣ общества «Самолетъ». Несмотря на 17-е мая, вѣтеръ дулъ такой зимній, что многіе палубные пассажиры схватили «жабы», а въ каютѣ 2 класса — давка и облака дыму. Народъ здѣсь больше коммерческій и прикащики; пробавлялись сперва чайкомъ да селянками, даже одурь ихъ взяла, и вотъ одни сѣли за карты, прочіе—глазѣютъ на нихъ.

— Не въ Бирскѣ-ли изволите ѣхать? справилась одна бородка у другой, а тамъ—завязалась общая бесѣда.

Городъ Бирскъ, красиво расположенный по легкому скату рѣки Бѣлой, приобрѣлъ историческую извѣстность на нашей памяти. Въ началѣ текущаго десятилѣтія мѣстный исправникъ окровавилъ мѣстнаго именитаго купца, — вотъ и все тутъ, за что этотъ до сихъ поръ незамѣтный городишка былъ сопричисленъ къ замѣчательнымъ городамъ російской имперіи. Теперь идутъ толки между пассажирами о деталяхъ этой кровавой расправы.

Съ исправника рассказы перешли къ другимъ властямъ уфимской губерніи, къ башкирскимъ землямъ и ловкимъ людемъ:

— ...Много богатятся теперь отъ башкирскихъ земель... Знаешь Данилку-то?.. Ну, Данило Пет...—Чуйка въ картузѣ съ ушками шепнула что-то на ухо сосѣду.

— Какъ не знать! Еще по пятаку-то купилъ сколько тысячъ десятинъ! отвѣтилъ тотъ, глубоко вздохнувъ.

— Онъ, онъ и есть! Ну, вотъ онъ и говоритъ: мое дѣло чистое и новыхъ тамъ порядковъ не боюсь, потому—у меня душа невозмутимая и я человѣкъ съ обличовкою... Вотъ только эти каналы башкиры, говоритъ, дорого мнѣ обошлись! Приѣзжаю, говоритъ, въ степь къ самому важнѣйшему,—а мы съ нимъ уже давно дѣла вживали. Прежде всего—насчетъ кло-

повъ, потому что башкирь безъ клоповъ не можетъ... Злюціе такіе!.. «Кандала баръ?» (есть-ли клопы?) спрашиваю.—«Мала, мала есть, самой смирный». Ну, думаю, смиренные, это ничего. Сейчасъ п слали къ подручнымъ людямъ,—все пріятели. Ну, кому головку сахару, кому плитку чаю или тамъ что другое. и всѣмъ—угощеніе на нашъ счетъ... Больно эта татарва чай любить—двѣ недѣли поилъ, деньжищъ пропасть ушло, да не задаромъ!

— Значить, кругомъ по пятаку за десятину?

— По пятаку. А теперь вонъ за полтину не купишь, давай цѣлковый.

— Слышалъ я, вмѣшался почтенный старикъ,—что нонѣ и рубля мало будетъ, потому у башкирь земель хоть и много, да они, какъ малыя дѣти, больно не разумны; говорятъ, указъ такой вышелъ, чтобы въ обиду ихъ не давать.

— Указъ-то есть, а онъ, башкирь-то, вотъ что говорить: моя тюбетейка (ермолка)! Дарю, кому хочу!..

Пока длилась бесѣда, облака табачнаго дыма и разнородныхъ испареній успѣли раствориться въ каютной сырости и отравить атмосферу ѣдкимъ зловоніемъ, что прогнало меня въ каюту 1-го класса. Здѣсь воздухъ былъ почище, но отъ рѣчей сильно несло...

Плотный атлетъ съ рыжею, окладистою бородой и рѣшительными манерами, разжигался передъ маленькимъ господиномъ суровой наружности:

— Да-съ, я піонеръ здѣсь, какъ американцы на дальнемъ западѣ!.. Я пришелъ сюда съ пустыми руками, а теперь обладаю землями и лѣсами, завелъ фермы, примѣнилъ къ земледѣлію всѣ усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія... Я прокладываю здѣсь дорогу цивилизаціи!.. Вы говорите, что къ этимъ скотамъ, башкирамъ, нужно относиться гуманнѣе и водворять цивилизацію не слѣдуетъ кулакомъ? Попробуйте! Тогда они васъ не пощадятъ: обворуютъ-съ, убьютъ!... Здѣсь нужна физическая сила.

И массивный ораторъ потрясъ въ воздухъ объемистымъ кулачищемъ.

— А если вашъ кулакъ выставятъ въ печати? перебилъ его слушатель.

— Тому морду побью! Честное слово благороднаго человѣ-

ка—изможжу!.... Здѣсь нуженъ практическій умъ—продолжалъ цивилизаторъ, щелкнувъ себя по усѣянному веснушками лбу,—умъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе дикаря въ свою пользу и заставить его видѣть въ васъ преимущество надъ собою во всѣхъ отношеніяхъ; тогда онъ смирится и будетъ вашимъ покорнымъ рабомъ! Меня боятся они, считая чуть не за пророка, и я гарантированъ: ни одна пылинка изъ моего добра не пропадетъ!..

Долго съ пафосомъ изрыгалъ сей уфимецъ передъ удивленнымъ слушателемъ свою систему водворенія цивилизаціи въ башкирскихъ дебряхъ и степяхъ, т. е. средства къ легкой наживѣ на счетъ непроглядной тьмы дикаго кочевника. Чего-чего только не было тутъ! И переодѣванья при электрическомъ освѣщеніи, и «вызываніе тѣней умершихъ», и фугасы, ошеломляющіе башкира, плети, полосующія ему спину, револьверъ, кулакъ и даже микроскопъ!.. Да, микроскопъ!

Какъ ни интересенъ этотъ приуральскій «піонеръ» въ угольномъ и психологическомъ отношеніяхъ, однакожь, показала У—а, и мы оставимъ его.

Губернскій городъ У—а, до котораго съ пристани нужно тащиться по довольно крутому подъему добрыхъ три версты на какомъ-то длинномъ и опасномъ инструментѣ, называемомъ здѣсь линейкою, достопримѣчателенъ, какъ плавающій городъ. Дѣйствительно, онъ по временамъ буквально плаваетъ, однакожь, никакихъ мѣръ къ устраненію сего не предпринимается, а стоитъ только прорыть простыя водоотводныя канавки, чему самая мѣстность благопріятствуетъ, и неудобство будетъ устранено; тогда и обыватели путешествовали-бы по улицамъ прилично, а не пробирались бы, какъ лунатики, по стѣнамъ домовъ въ наклонномъ положеніи.

Иные подумаютъ: коли городъ плаваетъ, то обыватели его занимаются преимущественно уженіемъ.—Заблужденіе. Заправскихъ удильщиковъ, вылавливающихъ однимъ неводомъ по сотнямъ десятинъ башкирскаго чернозема, немного, а прочіе—или милюзга, довольствующаяся снѣтками, либо подначальный,

какъ извѣстно, завистливый людъ. «Нашъ-то опять тыщу десятинъ благопріобрѣлъ!» шепчетъ мелкая сошка другой, и объ начинаютъ мечтать: «Богъ продлитъ вѣку—и на насъ хватитъ»... Остальное же населеніе сплошь лапти плететъ и только объ одномъ молить: «Лишь-бы на хлѣбушко хватило, а тамъ благодареніе Создателю!» Впрочемъ, еще не все: на базарной площади единственный башкиръ продаетъ, по поясъ въ грязи, кумысъ, а въ какомъ-то учебномъ заведеніи есть даже микроскопъ.....

На обратномъ пути моемъ изъ «плавающего города» въ Казань, не смотря на послѣдніе дни мая, сѣверо-восточный вѣтеръ мѣшалъ «добряку-капитану» парохода справить маевку,—дѣйствительно досадно!

— Батюшка, прими насъ на пароходъ по четвертаку съ души—пятьдесятъ слишкомъ будетъ, просятъ его бурлаки на одной пристани.—Мѣстовъ-то у тебя свободныхъ больно много.

— По полтинѣ съ рыла—садись всѣ!

Тѣ загалдѣли, замахали руками,—пароходъ удалился.

— По пятаку накинemъ, право возьми! кричатъ съ пристани.

— По полтинѣ! отвѣчаютъ имъ.

Долго шелъ торгъ, а пароходъ заманчиво лавируетъ вдали. Наконецъ сошлись на 49 копейкахъ, и мокрые лапти сумрачныхъ бурлаковъ въ изодранныхъ зипунишкахъ зашлепали по палубѣ. Пароходъ идетъ противъ вѣтра, а вѣтеръ — студеный; то-то раздолье ему между ними!

На другой день май явился въ первый разъ въ этомъ году во всей своей дѣвственной прелести. Въ воздухѣ тишь и нѣга, запахъ луговъ, лѣсовъ и легкая свѣжесть рѣки. Подъѣзжаемъ къ богородской пристани — живописный видъ! Одинъ берегъ круто возвышается въ гору, сплошь — въ зелени деревьевъ и кустовъ, другой-же, низменный, затопленъ до самыхъ лѣсовъ, что темнѣются на синемъ горизонтѣ; тамъ и сямъ отражаются въ водѣ купы деревьевъ, и — то искрилось ясное солнышко, то широко ложилось нестерпимымъ

для глазъ блескомъ между темными-темными, непривѣтливymi полосами ея, гдѣ, какъ казалось, и холодно было и грубоко...

Пассажиры 1-го класса уже давно любятъ съ рубки картиною весенней природы.

— Славную маевку мы справимъ во-нѣ на той горкѣ, обращается мировой судья къ статной дамѣ, выразительное лицо которой отгѣнялось грустью, что еще болѣе возвышало ея красоту.

— Господа, не распорядиться-ли мнѣ насчетъ коньяку и... какъ бишь называется?.. Да, да, газесъ! широко улыбнулся капитанъ парохода въ сторону къ молчаливому пассажиру, не отымавшему отъ глазъ подозрительной трубы.

— Что жъ, коньякъ съ лимонадомъ замѣнить намъ шампанское, проговорилъ тотъ.

— Бѣгу распорядиться.

— Стойте! крикнулъ вслѣдъ ему мировой. — Долго-ль стоимъ тутъ?

— По положенію — два часа, а мы можемъ съ удовольствіемъ—четыре. Ха, ха, ха! Эдакая прекрасная погода — погуляемъ!..

Пароходъ остановился.

Пассажирка, въ сопровожденіи всѣхъ трехъ спутниковъ (въ томъ числѣ и меня), вышла на берегъ. Было жарко; она сняла шляпку, и черныя косы тяжело упали ей на плечи.

Всѣ поднялись на самый верхъ горы и усѣлись на лужайкѣ, скрытой кустами.

— Пусть поищетъ насъ капитанъ, проговорила она.

А тотъ съ бутылками въ рукахъ и по карманамъ, тяжело поднимался въ гору, — потѣлъ, пыхтѣлъ и кряхтѣлъ, отыскивая насъ глазами, и пошелъ-пошелъ путаться по сторонамъ.

— А-у!!.. А-у, капитанъ! Сюда, сюда! высовываясь изъ-за куста, махалъ ему руками мировой, мучимый жаждою.

— Ага! Bravo, bravo!.. Вижу таинственный гротъ!..

И помахивая бутылкою надъ головою капитанъ затынулъ: «Многія лѣта!».

— Кому?

— Бѣльскимъ пароходамъ. Хозяева—больно хорошіе люди; многія имъ лѣта, многія...

— Слышалъ, банкроты, объявившіе себя несостоятельными а между тѣмъ...

— Почтенные люди! Давно у нихъ служу, и слава Богу.

— А коли слава Богу, наливайте себѣ коньяку, а намъ того-же съ лимонадомъ.

— Коньякъ—питье моряковъ, уважаю его... Многія лѣта!.. воодушевлялся красный капитанъ, между тѣмъ какъ сумрачное лицо пассажирки подергивалось легкими судорогами. Мировой, подмѣтивъ въ ней внутреннюю борьбу, задуть которую она не была въ силахъ, перемѣнилъ разговоръ.

— Какое здѣсь раздолье! Луга, лѣса, горы, вода...

— Только людей не видно, отрѣзалъ молчаливый пассажиръ съ подворною трубой.

— Потому, что намъ недостаетъ... заговорила пассажирка.

— Коньяку и стерлядки! перебилъ ее капитанъ.—Сейчасъ бѣгу, прикажу... и, спотыкаясь, направился къ пароходу.

— Коньяку и стерледей для этихъ служителей злостныхъ банкротовъ хватить, сверкнула та глазами.—Но намъ недостаетъ того, что ежегодно привлекаетъ изъ Европы въ Америку сотни тысячъ эмигрантовъ; того, что оживляетъ въ ней даже каменистыя пустыни!.. Дайте намъ это, дайте! И мы будемъ счастливы, умны и богаты,—мы разовьемъ счастье далеко вокругъ себя!.. Дайте намъ это, и...

Приходъ бурно разгулявагося капитана прервалъ эту освѣжающую струю рѣдко раздаюшагося у насъ слова. Мы впились въ прекрасную незнакомку глазами и думали: «если не перевелись еще на Руси подобныя женщины, есть и надежда». Но кто же она? Иногда пассажиры сближаются быстро, и я могу рассказать вамъ исторію ея, сообщенную мнѣ молчаливымъ участникомъ маевки. Родилась она на дальнемъ востокѣ Россіи,—полюбила природу и еще болѣе полюбила бесѣды хорошихъ, умныхъ людей. Мать и отецъ тревожно слѣдили за симпатіями дочки, и увезли ее въ Оренбургъ на излеченіе къ теткамъ, бабушкамъ и дядямъ.

«Боже мой, какая здѣсь пустота, какое омерзение кругомъ! Вырвусь на свободу и буду жить разумною жизнью...» думала 18-ти-лѣтняя дѣвушка, тоскуя въ обществѣ родственной своры, солидно бесѣдующей объ Амишкахъ и Биби, акціяхъ, облигаціяхъ и о «нашемъ» прогрессѣ... Но какъ осуществить страст-

ные порывы къ добру? Хватить ли наличныхъ средствъ идти по слѣдамъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя сразу разорвавъ связь съ прошлыми и современными нелѣпостями, избираютъ себѣ тернистый путь прокладывать широкую дорогу другимъ? Посмотримъ...

Между тѣмъ ее полюбилъ одинъ изъ лучшихъ, какъ казалось ей, людей, посѣщавшихъ общество, съуживавшее ея жизнь желѣзнымъ кольцомъ. Онъ клялся ей, что, выходя за мужъ за него, она разбиваетъ оковы, связывающія ея волю и честныя стремленія,—что богатства его послужатъ могущественнымъ орудіемъ для достиженія ею цѣлей своихъ...

Молодость довѣрчиво вступаетъ въ полный романическихъ грезъ невѣдомый ей міръ житейской грязи, и вотъ—она жена,—жена черстватаго эгоиста, пресмыкающагося передъ золотомъ и силою!

Ея чувства оскорблены имъ, но жизнь еще не разбита: она ищетъ выхода и рвется теперь въ Москву съ надеждою добиться тамъ полезной дѣятельности, — вотъ тутъ-то и точка!.. И намъ понятенъ вырвавшійся изъ груди ея крикъ: «дайте намъ то что оживляетъ даже скалы!..»

— Возьмите съ бою, иначе не уступлю! Буфетчикъ клянется—послѣдняя! Ха, ха, ха! ревѣлъ запыхавшійся капитанъ, размахивая бутылкою коньяку. Всѣ молчали.

— Что приуныли? Затянемъ пѣсенку, и все будетъ ладно... Я крикну помощника—прекраснѣйшій запѣвало.

И онъ, изобразивъ ладонями рупоръ, заоралъ по направленію парохода: «Михайло Ильичъ! Михайлушко, скорѣе къ намъ!»

Михайлушко явился, но «по застѣнчивости» пѣть отказался. Этотъ пробѣлъ маевки пополнили двое мальчугановъ, пришедшихъ сюда изъ ближайшей деревни понабрать хворосту.

— Давай, баринъ, на орѣхи,—пропоемъ!

— Катай!

Ребятишки, приплясывая, заголосили о томъ, сколько горя и печали достается на долю человѣка.

Зажгли костры. Пассажирка тревожно смотрѣла вдаль, а мировой сталъ рассказывать молчаливому пассажиру о разныхъ приволжскихъ исторіяхъ...

— Пора въ путь, господа,—нагулялись! закончилъ маевку посоловѣвшій капитанъ, и мы вернулись на пароходъ.